

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/2490335>

Наследники

Направленность: Слэш

Автор: [Sky Smoker](https://ficbook.net/authors/40942) (<https://ficbook.net/authors/40942>)

Фэндом: Naruto

Пейринг или персонажи: Хаширама/Мадара, Тобирама, Мито, Сенджу Тока, Сенджу Буцума

Рейтинг: NC-17

Жанры: Драма, Психология, Философия, Hurt/comfort, Первый раз, Дружба, Пропущенная сцена, Любовь/Ненависть

Предупреждения: **Underage**, **Элементы гета**

Размер: планируется Миди, написано 33 страницы

Кол-во частей: 4

Статус: **в процессе**

Описание:

В жизни Сенджу Хаширамы, Солнца мира шиноби, множество пятен, и имя самому крупному, самому кровавому и самому порочному из них — Учиха Мадара.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Имя Мадары, как знают многие, переводится как "пятно", поэтому в описании используется игра слов.

Данная работа включена в сборник "Легенды об Основателях", представляющий собой цикл историй по первому поколению. Ознакомиться с другими работами можно здесь: <http://ficbook.net/collections/2948632>

ТОС

ТОС	2
Отрочество (часть 1)	3
Примечание к части	10
Отрочество (часть 2)	11
Примечание к части	16
Юность (часть 1)	17
Примечание к части	29
Юность (часть 2)	30

Отрочество (часть 1)

Земляника в этом году поспевает удивительная — ароматная, сладкая, алая-алая, точно восходящее в золотистых облаках багровое солнце. Тобирама говорит, что земляника напиталась красным соком от погребальных полей да кровью множества и множества убиённых на этом холме шиноби. Тобирама говорит, а Хаширама не спорит — собирает крупные спелые ягоды в подол выпростанного из-под хакама косоде, в горсти, в рот, в поясную сумку, чтобы угостить младших детишек из клана после обряда посвящения в рядовых.

Они с Тобирамой перекапывают весь западный склон — теперь ягоды складываются в тобирамино тёмное хаори — и медленно спускаются вниз к реке. Солнце в зените — обжигающий, слепящий белый огонь — палит нещадно, а вокруг ни деревца, ни высокого куста, чтобы скрыться в тени. Река в прозрачной знойной дали искрится, точно рыба чешуя, манит прохладой, и Хаширама, не задумываясь, делает к ней шаг вдоль крутого склона, затем другой, осторожно держась за сочную зелень травы ладонями и коленями упираясь в жирную землю.

— Стой! Ты разве забыл, зачем мы здесь? — останавливает его Тобирама, связывая концы хаори в четыре узла и забрасывая самодельный мешок себе за спину.

— Не забыл, — отвечает Хаширама со вздохом и повторяет, для себя, делая зарубку в цепкой мальчишечьей памяти: — Я никогда ничего не забываю, отото.

Он и правда не забыл, ради чего старейшины отправили их с братом к границам клановых поселений. Недавно здесь шумела битва: земля напиталась кровью детских тел, оцетинилась призванным из свитков оружием, растрескалась от взрывных печатей и погрязла в обломках доспехов, поломанных щитов и гунбаев. После короткой кровавой бойни потери считать начали на следующий день — девятеро мальчишек от семи до тринадцати лет были зверски убиты и растерзаны призывными животными и около пятнадцати найдены не были ни живыми, ни мёртвыми. Не нашли их и сегодня: ни сенсор Тобирама, ни Хаширама, вибрациями корней под землёй пытались отыскать хоть часть мёртвого тела, хоть пряди волос. Бесполезно. Место побоища было расчищено и окружено скальным забором высотой почти в 70 кэн. А вокруг спела земляника, источая сладкий нежный аромат, и листья её, неясного странного багрянцево-зелёного оттенка, напитанные солнцем, в закатных лучах отливали кровью.

Хаширама совершенно некстати вспоминает, что ему без четырёх лун четырнадцать. Всего почти четырнадцать — а он, и юный Тобирама уже взрослые, посвящённые ранними убийствами, выходящими по численности за сотню, шрамами, едой из общего котелка и ответственностью за младшее поколение. Младшие, когда вы успели настолько повзрослеть, что вам доверили в руки оружие с наказом убивать врагов?..

— Эй, ты там не заснул? — тихо спрашивает Тобирама, острым локтём пихает в бок, где с месяц не сходит жёлтый синяк с ладонь величиной, и Хаширама вздрагивает, понимая, насколько глубоко погрузился в свои мысли.

Хаширама улыбается, коленями крепче упираясь в землю, и неожиданно набрасывается на Тобираму, щекоча его бока и живот.

От неожиданности Тобирама отпускает ветви, за которые держится мозолистыми ладонями, и теряет равновесие, увлекая Хашираму за собой.

Хохоча, они покатались со склона на берег реки, густо поросший кустарником и камышом.

— Ягоды! Не раздави ягоды! — кричит Тобирама, и Хаширама торопливо перехватывает свёрток под локоть.

Перед глазами мелькают красочные разноцветные пятна, дыхание сбивается, а сердце бьётся, словно певчая птичка в клетке, — впервые не от страха, а от безмятежности и переполнявшего его счастья свободы. Хашираме хочется кричать от искристой радости этих мгновений, делиться щедро своей любовью и нежностью.

— Слезь с меня, ты тяжёлый, — отфыркивается недовольно Тобирама, спихивая Хашираму на бок, и тот, недолго думая, целует младшего брата в перемазанную травяным соком щеку.

Они долго лежат голова к голове, разглядывая белоснежные пышные облака в голубом небесном полотне, пока плеск воды и незнакомые девичьи голоса не заставляют их тревожно подскочить, сжимая в руках оружие.

Тобирама, лежащий ближе к источнику шума, приподнимается на локтях, выглядывая из-за кустов, и неожиданно заливается яркой краской, стыдливо прикрывая ладонью глаза.

— О Боги... не смотри туда, Хаширама, это неприлично. — Почти моляще просит он, но Хаширама не может удержаться от искушения раздвинуть упругие ветви кустов.

В реке купаются обнажённые, наливающиеся соком и прелестной зрелостью девушки из их клана, Хаширама мгновенно узнаёт двоих, тех, что юнее: обе приходились ему кузинами — с одной, старшей сестрицей Токой, они были близки по оружию, с другой же, младшей Рецу, — по убеждениям и тайным обучением лечебным техникам у одной из старейшин.

Девушки плещутся, играют с водой, полощут загрубевшую от пыли и копоты одежду, и Хаширама, глядя на пышные груди взрослых куноичи, на мягкие шёлковые соски и тёмный треугольник редких волос в паху, совершенно некстати вспоминает, что ему уже почти четырнадцать — возраст, когда его дед брал в жёны бабушку.

— Братец, — предупредительно говорит Тобирама, и Хаширама с сожалением отворачивается от реки, уходит от соблазнов и постыдного возбуждающего действия.

— Пошли домой, Тобирама, — говорит он, впервые с неясной тоской осознавая, что Тобирама действительно младше — младше на целых полтора года, а это

непозволительно большая разница в таком-то возрасте.

— Нашли что-нибудь? — с порога в лоб спрашивает отец, и Хаширама опускает голову, разглядывая узорчатые кружевные тени, отбрасываемые от клановых вееров.

— Нет, отец, никаких следов, — тихо отвечает он, неловко сжимая в руках хаори с земляникой — ягоды просыпаются на пол сквозь отверстия рукавов, оставляя алые пятна, и отец смотрит на них с долей брезгливости и интереса — задумчиво, словно на выпотрошенного им самим Учиха, наподобие того юнца, попавшего под горячий отцовский клинок в прошлой пограничной стычке.

— А это ещё зачем? Травникам в помощь? — отец небрежным жестом указывает на ягоды, и Хаширама спешит ответить, взглянуть в карие усталые глаза, вокруг испещрённые мелкими морщинками.

— Нет, отец, это не травникам, а младшим — Утаме, Мацуде, Сузуме... Побаловать... после посвящения...

— Что?! — дико ревёт отец и наотмашь бьёт Хашираму раскрытой ладонью по лицу — по левой стороне, по правой, по левой, задевая острой гранью кольца тонкую кожу у виска. — Побаловать?! Воинов моих изнежить вздумал?! Мало тебе своих младших братьев было, так вздумал и чужих мне попортить?!

Хаори с ягодами выскользывает из ослабевших пальцев, щёки горят унижительным огнём, а в глазах вскипают жгучие слёзы. Хаширама жмурится, отворачивается, дышит тяжело и надсадно, сглатывая напряжённый ком в горле. В душе кровоточит рана — как и всякий раз, когда отец упоминает Итаму и Кавараму. Недоценил, недолюбил, недоглядел, недомстил за их смерть. Любое из этих «недо-» обжигает плетью куда сильнее пощёчин — в Хашираме горит вина, тяжёлым бременем лёгшая на его юные плечи.

На помощь как всегда приходит Тобирама, мимолётом в негласную поддержку касаясь хашираминой руки.

— Хаширама ни о чём таком не думал, отец, просто не так выразился, — говорит он мягко, извиняясь за брата. — Он хотел принести своё угощение к столу. На всех равных.

Отец смотрит выжидающе: Хаширама пересохшими дрожащими губами неловко просит прощения, с низким поклоном опускается на колени. Отец сдержанно велит убрать рассыпавшиеся ягоды да оттереть алые пятна с досок и уходит в свои покои, чеканя широкий шаг и тяжело скрипя половицами.

Тобирама молчит, затем исчезает на минуту в доме, вынося влажные тряпки и чашу с речным крупным песком, и жестом предлагает браться за уборку.

Хаширама молчаливо оттирает полы, сдирает костяшки пальцев о шершавую поверхность досок и плачет, горько беззвучно плачет, чувствуя, как слезы смешиваются с кровью с

разодранной скулы и горькой солью оседают на растрескавшихся губах.

С внезапной вспышкой озарения Хаширама осознаёт, что отец еще достаточно молод, ему нет и сорока, даже тридцати пяти ещё нет, однако мировая война без конца и края да вечная боязнь за клан и юное поколение, возвращённое войной и кровавым материнским молоком, усугубили своё дело. Сенджу Буцума загрубел душою, зачерствел всем своим естеством, не позволяя эмоциям просочиться сквозь маску ледяной уверенности; потому он и состарился рано, с младых ногтей неся ответственность как шиноби, как муж и отец, как глава и старейшина древнейшей семьи.

И больше всего на свете Хаширама боится стать таким же, как отец — умереть душой и чувствами, оставив вместо себя свою безжизненную оболочку тела.

Погода к вечеру переменилась: солнце скрылось за плотными серыми тучами, подул прохладный ветер, мягко обнимающий всё нагое разгорячённое тело, а небеса разверзлись и засочились влагой, смывая душную серую пыль и обнажая свежую изумрудную зелень травы и деревьев.

Порез на скуле перестал сочиться кровью, болезненно набух, обозначив бледные лиловые границы намечающегося синяка, начал дёргать и тянуть ноющей, изматывающей болью.

Отказавшись идти на посвящение, Хаширама с разрешения отца залёг в постель и задремал, вздрагивая под паутиной душных липких сновидений.

Разбудил его негромкий стук в сёдзи. Хаширама, утирая ладонями заспанное лицо, выпутавшись из одеяла, удивлённо разрешает войти. Интересно, кто это? Тобирама не стал бы стучать.

У раскрытой двери на коленях сидит Рецу, неловко сминает кимоно на коленях. Рядом с ней — лёгкая плетёная корзинка с мазями и травами.

— Привет. Как ты, в порядке, Хаширама?

Он искренне улыбается и жестом приглашает её в комнату.

— Всё в полном порядке, только щека уж очень разболелась. Не посмотришь?

Она послушно опускается рядом, забирая свои длинные каштановые волосы за уши, смотрит серьёзно и чуть печально.

— Мы с Тобирамой виделись днём, — мягко улыбается Рецу, — и он угостил меня ягодами. Спасибо тебе. Вам, обоим.

Хаширама чувствует: от её дыхания сладко пахнет земляникой. Не оттого ли так кружится голова и так волнительно сжимается сердце?..

— Ты не должен держать обиду на господина Буцуму, — внезапно с полной серьёзностью сообщает она, чуть поворачивая хаширамину голову вправо — так, чтобы тусклый свет обнажал ссадину. — Господин Буцума — глава клана, а потому он несёт ответственность за каждого Сенджу — от мала до велика.

Хаширама вспыхивает и качает головой.

— Перестань его защищать, Рецу. Два моих младших брата погибли ни за что, напорвшись на Учиха. А теперь и младшие — Сузума, Мацуда... Утама, даже Курокава, которая вообще девчонка!

— Не тебе о них думать, — прохладная, со слабым ароматом зимней мяты мазь втирается в его щёку под нежными прикосновениями, чуть пощипывает.

— Не мне? А кому, кому думать — старшим? — Хаширама не замечает, как переходит на крики. Всё его копившееся возмущение, вся злость выходят наружу. — Быть может, Токе, пропадающей на вылазках? Нет? Тогда вечно занятому Хираме, как правой руке моего отца? Калеке Кагеваре, которому в прошлой битве отрубили руку?! Кому ещё, кроме меня, до них, непосвящённых, есть дело?

— Мне есть, — безмятежно замечает Рецу. — И Мацуда, и Сузума, и Рюугецу, чьё тело с прошлой битвы вы искали с Тобирамой, — мои младшие братья. А Курокава и Утама — дети моего погибшего дяди.

Хаширама пристыжено умолкает, рассматривая свои сжатые кулаки.

— Хаширама, не вмешивайся в посвящение, — Рецу бинтует ему разодранную руку, смотрит своими чудными светло-зелёными глазами, — пусть всё идёт своим чередом. Ответственность за других — это хорошо, однако не забывай, что на этом жизнь не заканчивается.

— А что я ещё могу делать — просто смотреть, как гибнут дети?!

— Ты и сам ещё не взрослый.

— Взрослый, — возражает упрямо Хаширама и вздыхает. — Я думал, что взрослый, но видимо, недостаточно, чтобы защитить их от отца.

Рецу опускает руки и долго молчит, всматриваясь куда-то в серую даль, расплывающуюся от потоков дождя.

— Не отчаивайся, — говорит она весело и улыбается: Хаширама заморожено смотрит на ямочки на её щеках. — Я уже закончила, почти окончилось и посвящение. Твой брат скоро вернётся.

Хаширама кивает, не зная, что сказать.

— Знаешь, напоследок... я хотела бы кое-что сделать, пожалуйста, закрой глаза, — мягко говорит Рецу, и Хаширама доверчиво жмурится.— Нет, не так, — она смеётся и стягивает белую хаширамину бандану, которой он подвязывал волосы, на смуглый выпуклый лоб.

Хаширама ожидает всего, что угодно, но только не осторожное прикосновение мягких девичьих губ к своим. От этой ли близости, от волнения ли у него сводит низ живота, и он неловко отстраняется. Рецу отступает: чуть проминается татами под её поступью, и когда Хаширама срывает повязку с глаз, то понимает, что остался один.

Он неверяще касается своих губ пальцами, прислушиваясь к своим ощущениям, затем вновь укладывается в постель, поверхностно дремлет, как вдруг сёдзи распахиваются вновь, и Хаширама тревожно подскакивает на футоне — но нет, это всего лишь Тобирама, снимающий домашние плетёные сандалии у татами.

— Ты весь горишь, братец, — замечает он с подозрением и кладёт узкую бледную ладонь Хашираме на лоб. — Тебе нехорошо? Или, может быть, что-то случилось?

С неясной смесью чувств досады и гордости Хаширама думает, что Тобирама не по возрасту проникателен.

— Рецу приходила, — шепчет Хаширама и утягивает Тобираму в постель, под тёплое одеяло. — Давай отложим расспросы, я так устал. Лучше согрей меня, — смеётся он, и Тобирама, поворчав для приличий, позволяет раздеть себя до нижней рубахи, забираясь под одеяло и прижимаясь к Хашираме всем своим телом, сам обнимает брата за плечи.

Спустя недели две или три с раннего утра Хаширама просыпается от криков и ругани — гомон стоит, наверное, на весь просторный дом. Рядом, под боком, возится заспанный Тобирама, тёплый спросонья и ничего не понимающий, трёт глаза и безостановочно зевает.

— Не к добру всё это, — констатирует Хаширама и выбирается из постели, на ходу оправляя узел развязавшейся спальной юката.

— Куда ты, братец? — спрашивает Тобирама, крепче заворачивается в одеяло и неловко садится, подбирая под себя ноги.

— Мне беспокойно, — отзывается Хаширама, мгновение раздумывая, накинуть ли сверху хаори, а затем, так и не решив ничего, выбегает за двери, стуча босыми ногами по деревянным доскам веранды.

Шум идёт с зала совещаний, и Хаширама, поколебавшись пару секунд, опускается на колени и раздвигает узорчатые плотные сёдзи.

— Я слышал шум, отец, — говорит он неестественно хриплым голосом и низко склоняется — так, что отросшая чёлка падает ему на глаза — а затем боязливо поднимает голову. — Всё ли в порядке?

Картина, предстающая перед его взором, столь нелепа и невозможна, что Хашираме требуется вся его выдержка, чтобы не ущипнуть себя за колено.

Перед отцом в почтительном сейдза сидит повзрослевший Учиха Мадара — Хаширама с неясной жадностью разглядывает бледное узкое лицо, запавшие чёрные глаза, лихорадочно блестящие в сизом утреннем свете, высокие скулы и бескровные губы, узкие, чётко очерченные. Смотрит на обрисованные бледной кожей ключицы, узкие девчоночьи плечи под тёмным косоде, на нервно подрагивающие пальцы, сжимающие тонкую ткань фиолетовых штанов, на худые голени, не стянутые обмотками. Смотрит и никак не может найти слов, чтобы хотя бы спросить, что Мадара здесь делает — в самом сердце поместья клана Сенджу перед самым безжалостным из его воителей: перед хашираминым отцом.

— Почему ты в спальном, Хаширама? — звучно, раскатисто спрашивает отец, и Хаширама вздрагивает, виновато отводя взгляд. — Впрочем, это неважно. Старейшины от имени Учиха Таджимы прислали нам своего старшего сына — и с чем, как ты думаешь? С прошением перемирия! Перемирия — после той пограничной кровавой стычки возле реки! Эй, юный Учиха, — Мадара смотрит Буцуме прямо в глаза — незнакомым Хашираме взглядом: устало и хладнокровно, чуть прищурившись. Слишком спокойно. Слишком повзрослому. — Что будет, если вместо подписания временного мира я отрублю тебе голову?

— Мой отец отрубит голову Вашему сыну, — безмятежно отвечает Мадара и кладёт перед отцом узорчатый свиток.

— Здесь всё указано. Отец мой, глава клана Учиха, Учиха Таджима, просил передать ответ, даже нежелательный, с Вашим гонцом и поклялся своей честью и своей силой, что сохранит ему жизнь несмотря ни на что.

— И к какому сроку с меня спрашивают ответ? — интересуется отец, протягивает руку к катане, лежащей чуть поодаль на расстоянии десяти сун. Хаширама знал, что в эту минуту отец ставит их жизни — Хаширамы и Мадары — на незримые весы, сравнивает клановые ценности и пользу.

— Три дня. Что же, если у Вас более нет ко мне вопросов, то я пойду.

— Никуда ты не пойдёшь! — внезапно взрывается криком Хирама, родной старший брат Рецу, пришедшийся самому Хашираме дальним кузеном. — Что, если это засада, и в свитке спрятаны взрывные печати или техника перемещения? Этим Учиха нельзя верить, они предадут на каждом шагу!!

Отец жестом велит Хираме замолчать, и Мадара выдерживает его прямой, тяжёлый,

обвиняющий взгляд.

— В том свитке нет ничего, кроме просьбы и предложения мира, — говорит он, заправляет тёмные отросшие пряди за уши. — Зная, что Вы, клан Сенджу, во всем склонны заподозрить обман, отец велел именно мне принести этот свиток.

— И, тем не менее, ты останешься у нас до принятия решения, — спокойно подытоживает отец. Мадара заметно бледнеет. — Три дня — срок недолгий, будешь жить в отдельных гостевых покоях. Я клянусь своей честью, своим домом и своими детьми, что за этот срок никто из клана Сенджу тебе не причинит вреда, и даже если ответ будет неудовлетворительным, тебя проводят обратно в целости и сохранности.

— Отец, могу я показать Мадаре его комнату? — вмешивается Хаширама, открыто нарываясь на гневный окрик и заранее втягивая голову в плечи.

— Ступайте себе с Богом, — неожиданно великодушно взмахивает рукой отец, и Хаширама облегчённо переводит дух.

— Я покажу ему доступную территорию, можно? — спрашивает он дрожащим от волнения голосом и получает в ответ лаконичный кивок.

— До ворот, Хаширама. За вами проследят, — несколько рассеянно отвечает отец и берёт свиток в ладонь.

Примечание к части

Визуализация к главе: http://vk.com/wall-67300589_69

Отрочество (часть 2)

— Отец, могу я показать Мадаре его комнату? — вмешивается Хаширама, открыто нарываясь на гневный окрик и заранее втягивая голову в плечи.

— Ступайте себе с Богом, — неожиданно великодушно взмахивает рукой отец, и Хаширама облегчённо переводит дух.

— Я покажу ему доступную территорию, можно? — спрашивает он дрожащим от волнения голосом и получает в ответ лаконичный кивок.

— До ворот, Хаширама. За вами проследят, — несколько рассеянно отвечает отец и берёт свиток в ладонь.

Они обходят поместье Сенджу и неспешно спускаются по ступеням, выщербленным в скале, вниз, к садам, раскинувшимся в небольшой лощине, ограждённой мощным высоченным забором.

— Сюда, — Хаширама на мгновение исчезает за небольшими резными воротцами и манит к Мадару к себе. — Эти сады — плодовые, однако часть лекарственных трав выращивается именно здесь. Рецу... — на мгновение он запинается, вспоминая светлые зелёные глаза, и затем продолжает: — Одна из наших медиков попросила меня собрать травы на мазь и жаропонижающий настой. Мадара... — и совсем тихим голосом, почти шёпотом: — угощайся.

— Давно не виделись, Хаширама, — ровно говорит Мадара, точным ударом камешка, подобранного с лестничных перил, сбивая с ветки спелое яблоко — оно падает в точно подставленную не глядя ладонь. — Четыре года уже прошло с тех пор, как мы перестали встречаться на берегу реки. — Хрустит яблоком, надкусывая сияющую белую мякоть. — Как она, наша река?

— Что ей будет, этой реке? — отзывается Хаширама сдержанно, склоняясь к земле, срывает травы в плетёную корзинку, предусмотрительно захваченную с веранды. — Она всех нас переживёт да наших потомков.

— Правду говоришь, Хаширама, — Мадара вытирает липкие, сладкие губы и щелчком отбрасывает огрызок в траву. — Увидеть бы её ещё раз, искрящуюся и прохладную...

В голосе Мадары явственно пробивается ностальгия, и Хаширама цепляется за неё, как возможность узнать этого нового Мадару получше — такого непохожего на прежнего себя, исхудавшего, с лихорадочно блестящими глазами и отросшими волосами, прикрывающими остро очерченные скулы.

— Насколько я помню, клан Учиха живёт на другом берегу, — осторожно направляя Мадару к разговору, упоминает Хаширама.

— Уже нет — давно не живёт, — нехотя говорит Мадара и срывает новое яблоко.

Хаширама смотрит, как он ест — с заметной внимательному глазу жадностью, но стараясь себя сдерживать, и мысль, прошедшая Хашираме в голову, его ужасает — что же, неужели Учиха сильно голодают? Как это случилось, что мощный, независимый клан, по силе ничуть не уступающий Сенджу, спешно покидает насиженные, обжитые места, кочуя вглубь густого, непроходимого леса?

— Мы просим этого унижительного мира не только ради жизни без войны, ты не думай, — с ненавистью неожиданно заявляет Мадара. — По-другому мы не можем: у нас недостаточно здоровых, сильных выносливых шиноби, чтобы вести хотя бы оборону, не то, что атаку, недостаточно съестных припасов, чтобы выкормить наших детей, недостаточно трав и мазей, чтобы залечить раны и избавить страдающих от яда и заражений. Даже сильную боль нечем облегчить!.. Ты не представляешь, что это за жалкая смесь чувств сострадания и беспомощности, Хаширама, когда перед тобой умирает в агонии друг, а ты ничем не можешь помочь, чтобы снять мучительный приступ, лишь смотришь, как он бьётся в судорогах, хрипит безостановочно: "Убей, я больше не выдержу, убей меня!". И ты, наплакавшись ночью, выполняешь его последнюю просьбу. А потом, после декады таких жутких бессонных ночей у постелей умирающих, и вовсе перестаёшь плакать.

У Хаширамы всё остро сжимается внутри, когда Мадара находит старую грушу, плодоносящую спелыми, терпкими плодами, и продолжает, смотря куда-то вдаль невидящим взглядом:

— Если ты думаешь, что хуже для Учиха и быть не может, то ты сильно ошибаешься. Пара мальчишек приносит в дом арбузы — впервые хоть какое-то разнообразие среди риса и пресных лепешек. У нас умирают лекари, которые пробовали эти арбузы первыми — один за другим, и клан охватывает лихорадка. И самое страшное заключается в том, что и мой маленький брат, и его близкий друг Сецуна тоже больны, Хаширама. А вместо того, чтобы просто быть рядом и держать родных за руку, я был вынужден покинуть семью и отправиться с унижительным прошением о мире.

— Зачем ты мне это говоришь? — тихо шепчет Хаширама, дрожащей рукой протягивая Мадаре самую спелую, самую сочную грушу — крупную, янтарно-жёлтую, с алыми упругими боками. — Я же могу рассказать всё отцу.

Мадара зло смеётся и обкусывает грушу по спирали — сверху вниз.

— Хаширама, твой отец далеко не дурак. Сложно ли догадаться, что именно отчаяние, а не великодушие толкнуло нас на мир?

— А если он просто подумает, что Учиха Таджима засылает к нам шпиона, прикрываясь ненужным миром, словно шелухой?

— Едва ли, — сухо возражает Мадара. — Мой отец болен лихорадкой — так же, как Изуна. Старейшины боятся, как бы он не сегодня-завтра Богам душу отдал. Знаешь, почему назначен срок в три дня? Потому что на большее у нас не хватит ресурсов.

Хаширама горько вздыхает и, осенённый блестящей мыслью, воровато смотрит по сторонам на дозорных, стоящих у выхода огороженной территории. Дозорные заняты, принимая доклад от патруля, и Хаширама лукаво улыбается.

— Никуда не уходи и жди меня здесь, — одними губами говорит он и скрывается среди плодовых деревьев.

— Куда я пойду, — тоскливо отзывается Мадара и лишь пожимает плечами, доверчиво присаживаясь на низкий, изгибающийся качелью гибкий и упругий ствол вишнёвого дерева. И ждёт, следом за грушей вновь поедая белые хрустящие яблоки.

— Куда мы идём? — тревожно спрашивает Мадара, кунаем разрубая тонкие хлёсткие ветви над головой, пригибается под высокой порослью кустов. — Твой отец запретил мне покидать территорию сада. Эй, Хаширама!

Блестящая на первый взгляд идея оказалась едва ли не под угрозой срыва, когда его хватился Хирама, правая рука отца, методично обыскивающий весь дом в поисках Хаширамы. Сам же Хаширама, прокраившийся в кладовую, воровато замер, понимая, что если его обнаружат здесь, Мадаре запретят не только покидать поместье клана Сенджу, но и гостевые покои. Положение спасла Рецу, заглянувшая в подвалы за лекарственными травами, которые Хаширама оставил у входа. Поглядев на рассыпанные крупы и пересекшись взглядом с Хаширамой, укрывшимся за дверью, Рецу подхватила Хираму под локоть и повела в другое крыло, уверяя брата, что Хашираму не видела с собрания, жестом за своей спиной указывая Хашираме на окно.

— Доверься мне, — весело говорит Хаширама, помахивает плетеной корзинкой и отводит в сторону длинные мягкие ивовые ветви, надёжно скрывающие его тайное место от посторонних глаз. — Сюда! Мы пришли.

Перед ними — та самая земляничная поляна, взятая в кольцо молодым кустарником. Крупные ягоды теряются в сочных зеленых листьях, дразнящий сладкий запах сводит живот, и Хаширама с удовольствием замечает, как у Мадары восхищенно расширяются глаза. Голодный блеск его чёрных глаз, было притихший под фруктами, проявляется вновь.

— Ну-ка, помоги мне. — Хаширама вытаскивает из корзинки мягкое стёганое одеяло и постилает его на мягкую траву. На одеяло выкладывает свежий рисовый хлеб, застывший шарик сливочного масла в деревянном блюде, рисовые колобки с бобовой пастой внутри, сладкие данго, политые вязким сиропом, печёные в костре каштаны, две фляги с козьим молоком, тонкие ломтики вяленой рыбы, сваренные вкрутую яйца, посыпанные морской солью, ещё горячий суп из водорослей в небольшом чугунном котелке, обернутом тряпицами, и мелкие жёлтые яблоки. Мадара смотрит на угощение растерянно, с нарастающей отчаянной яростью в тёмных глазах.

— Мне не нужны твои подачки, Хаширама! — с болью говорит он и отворачивается. —

Что ты вообще о себе возомнил, если решил, что можешь вот так просто...

— Ничего я не возомнил, — говорит Хаширама устало, разламывает хлеб и вытаскивает из поясной сумки кунай, аккуратно отрезая от масла тонкую полосу, скручивающуюся в спираль. — Просто позвал на пикник, на моё новое тайное место. Садись и ешь, — приглашает он жестом. Мадара кусает бескровные губы.

— Хаширама, ты просто... ох... — шепчет он, и в этом слове отражается весь спектр эмоций и мадариных чувств.

Мадара присаживается, опускаясь на колени в сейдза, ест старательно медленно, дрожащими руками держа в ладонях хлеб, и, не удержавшись, вдыхает его запах с видимым наслаждением.

— Отнести бы этот хлеб Изуне, — с задумчивой тоскливостью говорит Мадара, — и флягу с молоком, и горячий суп, и яблоки. Изуна очень любит яблоки. А Сецуна был бы рад вяленой рыбе.

Хаширама кивает, сжимает губы в полосу, про себя проклиная бранными словами затяжную войну. Ком в горле растёт, давит, мешая глотнуть воздуха полной грудью без сухого судорожного всхлипа, и Хаширама часто дышит и незаметно для Мадары смаргивает слёзы.

— Всё это у вас будет в скором времени. Вы больше не будете голодать, — убеждённо заявляет он, рассеянно смотря куда-то вдаль поверх низких деревьев, и Мадара благодарно ему улыбается.

Они съедают всё до последней крошки и до последней капли выпивают молоко. Мадара довольно жмурится и предлагает взяться за ягоды.

Земляника горстями сыпается в корзинку, оставшуюся после импровизированного пикника, а переспевшая и мягкая, сочащаяся сладким соком, кладётся в рот. Кусты ещё сверкают спелыми алыми ягодами, точно каплями крови, когда Хаширама предлагает доесть землянику прямо сейчас, не нести в поместье, а остальное собрать в следующий раз.

Мадара соглашается, зачерпывает землянику полной ладонью и отправляет в рот — горсть за горстью.

— Эй, эй, не наглей! Там же и мои ягоды, — возмущённо вопит Хаширама, обхватывает мадарино лицо, качает из стороны в сторону, будто переспелую дыню. Тот смеётся с набитым ртом, довольно щурит сытые матово-тёмные глаза, и Хаширама, желая не то досадить, не то забрать ему причитающееся, не то впитать в себя эту улыбку, этот смех, крепко прижимается губами к податливому узкому рту.

Смех обрывается — Мадара широко распахивает глаза, пытается что-то сказать: зря. Язык Хаширамы скользит в сладкий от земляники рот, собирает терпкий привкус с десен

и чужого языка и отпускает лишь тогда, когда Мадара судорожно сминает под пальцами хаширамино хаори, оставляя красные следы с запачканных соком рук.

— Ты сейчас... что? — сдавленно шепчет он, тыльной стороной ладони трёт губы, яркие от поцелуя и ягод. — Ты сейчас...

— Я просто забрал свою долю, — ворчливо возражает Хаширама и отстраняется на расстояние вытянутой руки. — Что не так?

— Ты... ты поцеловал меня, вот что! — неистово кричит Мадара, и на бледных щеках вспыхивает жгучий яркий румянец. Хаширама отстранённо отмечает, что смущаются Мадара и Тобирама одинаково — покрываясь алыми, словно земляничный сок, пятнами по бледной коже.

Догадка этого смущения была столь проста и нелепа, что Хаширама решается спросить:

— Мадара, неужели это был твой первый поцелуй?

Мадара осекается, смотрит зло сквозь полукружья тёмных дрожащих ресниц — густых и длинных-длинных, словно у девчонки — и, перехватив с земли сандалии и оружие, исчезает за перелеском.

Хаширама его не останавливает и пальцами прикасается к собственным губам, все ещё липким и горячим от поцелуя. И что-то ему подсказывает, что-то сумрачным, до пресности правильным голосом Тобирамы, что близкие друзья, особенно друзья-юноши, не имеют права так целоваться.

Мадара старательно избегает с ним встреч, — так понимает Хаширама на первый день ближе к вечеру.

Его не было нигде — ни в саду, ни на веранде, ни в покоях, ни даже у отца. На земляничной поляне по-прежнему атели крупные нетронутые человеческой рукой ягоды, лишь соловьиные трели звенели в кустарнике.

Тобирама, мрачный, полный ненависти в красных глазах, сквозь зубы однажды сказал, что понятия не имеет, где празднично шатается Учиха, лишь посоветовал обратиться к отцу, если это так необходимо. К своему стыду, Хаширама тогда промолчал, решив обойтись собственными силами — если отец, не приведи Боги, узнает, что Мадара тайно покидает пределы поместья... О-о, Хаширама все душой надеялся лишь на то, что отец занят более важными вещами, чем слежка за наследником великой семьи Учиха.

Он ищет Мадару весь третий, последний уговорный день и наконец, сбившись с ног и решив напоследок наловить мелкой рыбы к ужину, находит его у реки с корзинкой белых спелых яблок из сада. Мадара стоит на каменистом берегу, провожая взглядом извилистое течение, покачивает корзинкой и зябко передёргивает плечами.

«Замёрз», — с неясной нежностью думает Хаширама и делает шаг навстречу.

— Мадара! — кричит он радостно, спускаясь с пригорка и взмахивая приветственно рукой, — усталость тут же забывается, исчезает при виде Учиха.

Мадара вздрагивает, резко оборачивается, выпуская корзинку из рук — рассыпаются яблоки, падая в воду — и невольно отступает назад.

— Мадара, — уже растерянно говорит Хаширама, ступая по сточенным скользким камням. — Что ты, избегаешь меня всё-таки, Мадара?

Тот упрямо качает головой.

— Мадара, посмотри на меня. Посмотри же, Мадара, — просит уже отчаянно Хаширама, крепко хватая друга за узкие худые плечи. Совсем девчоночьи. — Давай забудем всё то, что было на поляне, хорошо? Сделаем вид, что ничего не было и будем такими же друзьями-соперниками, что и прежде. Давай, Мадара? Ты мне почти как брат, я не хочу рушить эту связь!

— Ты придурок, Хаширама, — болезненно отзывается Мадара, яростно вырывается из крепкой хватки. — Никакими друзьями мы не будем и быть не сможем.

Хаширама молчит, раздавленный этим презрительным взглядом, и медленно отстраняется к земляному берегу, поросшему мягкой, густой травой.

— Три дня истекают на закате, так? — задумчиво говорит он, разглядывая золотистый солнечный диск, плавающий в багряных облаках. — Через несколько часов ты с отцом покидаешь наше поместье. Не думаю, что отец позволит мне пойти вместе с вами, а значит, что в мирное время мы видимся с тобою в последний раз.

Угнетенный тягостным молчанием, Хаширама разворачивается, собирается уйти, но внезапно Мадара ухватывает его за ворот косоде и своим тощим гибким телом вжимает в нагретый ствол дерева. На глаза Хашираме невесомо опускается его же собственная бандана, а к губам прижимаются узкие тёплые губы — лишь на мгновение.

— Ты такой тугодум, Хаширама, — хрипло шепчет Мадара ему на ухо. — Я не воспринимаю тебя как друга или брата лишь только потому, что больше не могу им считать, понимаешь, дубина? Но это вовсе не значит, что я собираюсь от тебя отказываться.

Хаширама обмысливает его ответ долго, крайне долго, а потом, всё прояснив для себя разом, прочитав настрой между строк, тянется за новыми и новыми жадными поцелуями. И Мадара, сраженный таким напором, кажется, ему отвечает.

Примечание к части

Визуализация к главе: http://vk.com/wall-67300589_76

Юность (часть 1)

*...Пожалуйста, дай мне забрать тебя
Из полумрака к свету,
Потому что я верю в тебя, верю
Ты сможешь пережить
еще одну ночь.
Хватит думать о том, как легко можно уйти,
Нет нужды уходить и гасить свечу,
Потому что твоя миссия не закончена,
Ты так молод,
И лучшее еще впереди.*

Nickelback — «Lullaby»

Угнетенный тягостным молчанием, Хаширама разворачивается, собирается уйти, но внезапно Мадара ухватывает его за ворот косоде и своим тощим гибким телом вжимает в нагретый ствол дерева. На глаза Хашираме невесомо опускается его же собственная бандана, а к губам прижимаются узкие тёплые губы — лишь на мгновение.

— Ты такой тугодум, Хаширама, — хрипло шепчет Мадара ему на ухо. — Я не воспринимаю тебя как друга или брата лишь только потому, что больше не могу им считать, понимаешь, дубина? Но это вовсе не значит, что я собираюсь от тебя отказываться.

Хаширама обмысливает его ответ долго, крайне долго, а потом, всё прояснив для себя разом, прочитав настрой между строк, тянется за новыми и новыми жадными поцелуями. И Мадара, сраженный таким напором, кажется, ему отвечает.

Наутро отец собрал своих самых верных подчиненных, нескольких клановых сильных целителей, приказал Тобираме взять поясной кинжал, прячущийся в складках хакама под хаори, и повелел Мадаре вести их к границе меж чужих территорий.

Хашираме идти с остальными запретили — не смея ослушаться отца, он скомкано попрощался с непривычно притихшим Мадарой и долго сидел на веранде, высматривая отцовский отряд, пока Рецу не забрала его в крыло дома, где лежали больные.

— Стрдать лучше всего с пользой, — сказала тогда она с тихим смешком, вручая Хашираме скреплённый печатью свиток. — Держи, это поможет скоротать время.

— Что это? — спросил Хаширама растерянно, невольно выглядывая через открытое окно в зеленеющие сады.

— Свиток с медицинской техникой.

— Свиток с чем?.. Не думаю, что это хорошая идея, Рецу. Я же не ирьёнин.

— Но у тебя довольно хороший контроль чакры и есть большой потенциал, чтобы в будущем стать хорошим ирьёнином — так утверждали старейшины. Я думаю, что на первое время этого будет достаточно. Просто попробуй, Хаширама.

Хаширама колебался — Рецу взяла его за руку и тихо сказала:

— Нам не хватает свободных умелых рук. Хотя бы попробуй, чтобы узнать границы своих возможностей. Ты окажешь лекарям неоценимую услугу.

Главное и неоценимое качество медика — отличный контроль чакры. Как раз то, чего ему так не хватает для продолжения тренировок с клановым Кеккей Генкай, божьим даром — Древесным Лесом. Даже если не получится освоить ирьёниндзюцу, Хаширама сможет подтянуть базовые навыки и повысить запас чакры.

Хаширама раздумывал недолго. И согласился: ушёл с головой в заботы — под чутким руководством Рецу вылечивая чужие увечья, бинтуя израненные конечности и сращивая кости. Надо сказать, он неплохо преуспевал — простые, требующие лишь концентрации и контроля чакры техники давались довольно легко, а сложному Хаширама дённо и ночью учился, точно растущее дерево впитывая в себя знания и новый опыт. Он отвлекался на доклады патрулирующих границы, жадно слушая крохи информации об Учиха, тонул в работе, в остаток свободного времени пробираясь в библиотеки и зарываясь в клановые свитки. Только так Хаширамин разум оставался свободным от тревожных мыслей. Только так он едва доползал до собственной постели и, не раздеваясь, проваливался в глубокий сон, — свободный от лишних мыслей, свободный от страхов и пустых тревог.

От отца и его свиты по-прежнему не было вестей. День сменялся днем, ночь — ночью, неделя — неделей. Подходила к концу уже пятая луна; Хаширама тревожился — за отца, не верящего более в мир, за Тобираму, истинного сына Сенджу, ненавидящего Учиха всем своим естеством, за Хираму, ослеплённого болью потери своих младших, за медиков исключительно талантливых в ирьёниндзюцу и слабых, почти бесполезных в бою. Хаширама тревожился — и потому забывался в тренировках всё своё свободное время, неосознанно готовясь к худшему развитию событий — возобновлению войны.

В очередной из таких дней Хаширама тренируется под палящим солнцем, отрабатывает со свистом рассекающие воздух удары клинком, проворачивая отбитые кисти рук и ловя яркие блики отполированным лезвием катаны.

Хаширама талантлив во многом — это подмечали все, кто его знал как хорошего шиноби — дитя своего абсолютного отца. Хаширама талантлив во многом — но кендо даётся ему с заметным трудом. Нижняя рубашка давно пропиталась потом, волосы, всклокоченные, неопрятно свисали вдоль смуглого лица, хаори неприятно липло к спине, ноги скользили в кожаных сандалиях, а ремешки натирали не стянутые обмотками лодыжки.

Ягевара наносит удары точно, быстро, скупно — точечными выверенными уколами вынуждает Хашираму вертеться полукружьем вокруг него, выискивая брешь в идеальной защите. То, что бреши нет, а защита абсолютна, идеальна, Хаширама понимает уже на десятой минуте боя и потому отбрасывает оружие к поясным сумкам, утирая пышущее жаром покрасневшееся лицо.

Ягевара не ругается — сначала удивлённо опускает катану, затем жестом приказывает ему поднять клинок и продолжить нападение. Хаширама мотает головой и падает на траву, чувствуя, что ещё немного, и он потеряет сознание.

— Хаширама, поднимайся, — скупно роняет Ягевара. — Если не послушаешься, пеняй на себя.

— Я больше не могу, правда, — Хаширама поднимает вверх руки: запястья избитые, опухшие, налившиеся багрянцем свежих ушибов и ссадин.

Ягевара стоит против солнца — Хашираме больно на него смотреть даже сквозь полуопущенные веки. Слезы беспрестанно льются из глаз, Хаширама утирает их грязным кулаком и пропускает момент атаки. Лишь свистит сталь над ухом, и Хаширама в последний момент перекачивается на бок. Лезвие вонзается в тёплую прогретую землю — ровно туда, где была хаширамина голова. Юного Сенджу прошибает ледяной пот.

— Ягевара, ты что творишь, мать твою?! — орёт он, вскочив на ноги.

Ягевара щурит холодные серые глаза, с видимым раздражением отбрасывая свиток с оружием прочь от себя.

— Что я творю?! Спроси как-нибудь у врага, атакующего тебя, что он творит, пожалуйся на боль в мышцах, скажи, что не прочь отдохнуть от боя!

— Мы на грани мира с Учиха, какой смысл учиться сражаться против них?

— Ты забываешься, Хаширама! Когда твоих друзей убивали, наш клан тоже был "на грани мира с Учиха"! И чем это вышло?! Да ничем хорошим, новым витком бесконечной войны!

— По-моему, ты просто глупо преувеличиваешь! — запальчиво кричит Хаширама. — Я больше не желаю этим заниматься!

И он уходит быстрым шагом вверх по склону, в сады, в лазарет, в патрулирование — куда угодно, лишь бы подальше от обозлённого Ягевары, подальше от запаха нагретой стали, крови на траве. Подальше от этих мыслей, вызывающих неприятное сосущее чувство внизу живота.

...Впрочем, в патрулирование его не берут, ссылаясь на то, что отряд полностью укомплектован, в садах снуют женщины с кухни и лекари, собирают сладкие спелые фрукты к ужину и душистые травы на мази и настойки.

Повсюду раздражающе много людей — в лазарете пусто, потому что Рецу с подружками ушла к реке полоскать бельё, в бараках слишком шумно илюдно, несмотря на такой ранний час, и Хаширама медленно бредёт к воротам, собираясь забрать полуденные отчёты.

Отчётов у часовых ещё нет, однако — Хаширама щипает себя за бедро, не веря собственным глазам, — у ворот, подле Хирамы и его подчинённых, стоит Тобирама. Хаширама бросается вперёд, сгребая младшего брата в объятия — тот вздрагивает, возмущается, пытается отпихнуться от сильных смуглых рук, сдавивших его в кольцо. Хаширама смеётся, целует брата в висок и треплет его по светлым волосам — и без того взъерошенным и пахнущим прогретой свежескошенной травой.

— Отстань от меня, братец! — хрипит Тобирама, извивается, упираясь ладонями Хашираме в грудь, но глаза его выдают: блестящие, светло-красные, опушённые светлыми длинными ресницами, они теплятся любовью и радостью долгожданной встречи.

Хаширама больше не хочет мучить его, поэтому напоследок улыбается, выпуская Тобираму из объятий.

— Где отец? — только и спрашивает он, оглядывая его подчинённых не как воин, не как член клана Сенджу — как ирьёнин. Хирама невольно держится за правое плечо, болезненное кривит губы, остальные, кроме разве что самого Тобирамы и пары-тройки людей, тоже выглядят потрепанно, как после короткой приграничной стычки. — Что с вами случилось? Неужели Учиха?!

Тобирама качает головой и опасно оборачивается назад. Хирама смотрит на них, будто бы прожигая своими глазами насквозь.

— Давай вечером, — едва слышно шепчет он. — Сейчас не то время и не то место.

Хаширама едва заметно кивает, поклоном, наконец, приветствует Хираму и уходит в лазарет до наступления сумерек.

Хаширама возвращается в комнату после отбоя, раздевается в кромешной темноте и ныряет под одеяло, прижимаясь крепко к Тобираме. Тобирама, жаркий, одурманенный сном, долго возится и садится в постели. Хаширама со вздохом зажигает свечу. Ему невероятно хочется узнать подробности этой миссии по сближению Сенджу и Учиха, но куда больше хочется спать.

— Ты где шлялся так поздно? — Тобирама трёт кулаком глаза. На его щеке отпечатывается яркий след от плетёного металлического браслета — невероятно и по-детски трогательно. Хаширама давит сентиментальный вздох: брат уже начал бриться, как подобает мужчине, острым кунаем срезая мягкие тонкие волоски, пробивающие на

подбородке, но в то же время оставался мальчишкой, который во время сна подкладывает обе ладони под щеку.

— Не поверишь — был в лазарете. Рецу вздумала обучать меня ирьёниндзюцу.

Тобирама смотрит с проблеском интереса на заспанном лице.

— Ирьёниндзюцу? Так внезапно... И как, получается? Нравится?

— Нравится. Не всё получается, правда... но нравится. — Хаширама улыбается и затем внезапно серьезнеет и меняет тему: — Тобирама, где отец? Что с вами стряслось и почему Хирама так зол?

Тобирама отводит взгляд.

— Отец остался там вместе с другими ирьёнинами. Не знаю, чего он жаждет, но провожали нас, в отличие от встречи, достаточно сухо и очень враждебно. Знаю только, что Учиха заводили разговор о мире, однако отцом он был не одобрен. Вероятно, отец собирался диктовать мир на своих условиях — что за условия, не знаю, даже не спрашивай, Хаширама. Больше ничего не могу сказать. А касаясь Хирамы и остальных... на нас напали Дикари возле устья реки. Меня, Шинтаро и Хирояму отстранили от битвы, поэтому мы не пострадали. К счастью, стычка закончилась более удачно, чем мы предполагали.

Хаширама кивает своим мыслям. Дикари — это оставшиеся коренные поселенцы возле северо-восточной границы Леса, жившие не кланом — племенами. Дикари не опасны, вернее, не столь опасны, как Учиха, но своенравны и настроены не слишком мирно по отношению к чужакам, завоёвывающим и отнимающим их земли.

Хаширама долго молчит, перекатывая на языке вопрос, мучивший его всё последнее время, и наконец решает его задать:

— А Мадара... что с Мадарой, Тобирама? Как он? Хорошо ли питается? Как спит? Ходит в дозоры или проводит всё время при клане?

Тобирама заметно мрачнеет, кривится — алые глаза вспыхивают знакомым Хашираме недобрым блеском — и резким выдохом гасит свечу.

— Я не нанимался следить за этим выродком, знаешь ли.

В его словах сквозит типичное высокомерие Сендзю, и Хашираме становится очень горько. Он снова ложится в постель, поворачиваясь к Тобираме спиной, и тихо говорит:

— Давай спать, Тобирама. Утро вечера мудренее.

Хаширама знает, что его скупые, лишённые чувств слова обижают младшего брата, но ничего с собой поделать не может. Слишком свежи и болезненны воспоминания о

момента, когда они с Мадарой скомкано, отчаянными взглядами, прощались у ворот полгода тому назад.

Отец прибывает спустя почти пол-луны в одиночестве — точно постаревший на несколько лет, заросший бородой, уставший, с взглядом сытого, почти довольного матёрого волка, он коротко треплет Хашираму и Тобираму по затылкам — невиданный жест добродушия и скупой ласки, — принимает доклад от утреннего патруля и уходит к себе, приказав Хираме идти следом. Хаширама переглядывается с братом и, ничего не говоря, уходит на тренировку, до кровавых мозолей и боли в плечах отрабатывая длинные рубящие удары.

Ближе к вечеру от отца прилетает ястреб, переступает на ближайшем высоком пне когтистыми лапами. Хаширама вытаскивает записку и долго читает лаконичные строки, смагивая слёзы радости. Его впервые берут в дозор за границы! Да ещё в какой дозор, вместе с отцом, Хирамой, Токой и Ягеварой... Хаширама коротко гладит ястреба вдоль шеи и несётся к воротам, к исполнению своей давней заветной мечты.

...Патруль, впрочем, протекает обыденно, скучно: Хаширама изучает местность, взглядом медика примечая лекарственные травы, ягоды, видит шляпки съедобных грибов, растущих на укрытых мхом деревьях.

И в тот момент, когда они собираются поворачивать обратно, слух Хаширамы настигает воинственный клич — боковым зрением младший Сенджу успевает заметить, как Тока отбивает кунаем скользящий удар, предназначавшийся именно ему.

— Какого чёрта?! — ревёт Хирама, тянется к левому бедру и хватает катану за перевязанную рукоять.

Их было около дюжины: двое парней-близнецов возраста Хирамы, шестеро шиноби чуть постарше, у порога совершеннолетия, мальчишка лет десяти, прячущийся за спину взрослого мужчины — на мгновение Хаширама замечает, как глаза отца наливаются кровью — и девчонка лет тринадцати-четырнадцати, быть может, чуть старше — ровесница самого Хаширамы.

— Что вы делаете у наших границ, чёртовы Сенджу?! — в глазах у одного из близнецов опасно вспыхивает Шаринган, и Хаширама невольно отводит глаза. Куда больше его сейчас занимает девчонка — кто она и почему участвует в дозоре?..

— Тихо! — отец поднимает безоружные ладони. — Мы просто патрулируем территории.

— Прибереги свою ложь для других ушей, папаша, — кривится другой. — Вы хотели напасть на нас со спины?

— Ах вы ублюдки! Мы вас научим уважать главу нашего клана! — с ненавистью выплёвывает Ягевара и делает шаг вперёд.

То, что стычка неизбежна, Хаширама понимает, едва взглянув на Хираму — уже подобравшегося, с холодным огнём в глазах и обнажённым оружием в руках.

— Нет, не смей, Хирама!! — ревёт отец, но поздно: клинок Хирамы, яркая вспышка стали, смазанная молния, разрубает ближайшего из Учиха — первым под его руку попадает мальчишка. Хаширама давит вскрик — тело разваливается от плеча к бедру будто говья туша, кровь брызжет на Хираму, окропляет землю.

Девчонка чуть поодаль пронзительно кричит, прячет лицо за кулачками — Хирама бросается вперёд, сметает за собой тела: клинок легко танцует в его руках, стелятся опустевшие свитки с запечатанным некогда оружием. Отец отдаёт команду держать оборону, сам насаживает на свое копье двоих, коротким мечом в левой руке отрубая какому-то зарвавшемуся юнцу голову, жестом приказывает Хашираме вступить в бой. Хаширама не слышит и не видит ничего — его мир тонет в бесконечно растерянном взгляде девчонки, в её искривлённых губах, в болезненных сухих хрипах сквозь сжатые зубы. Мир Хаширамы — реальный, сквозь поле боя — проясняется лишь тогда, когда его атакует один из Учиха, в кровь рассекая скулу и плечо.

Пиннок в солнечное сплетение обжигает тупой ноющей болью, но удивительно проясняет разум. Хаширама наполняется холодной яростью и атакует не задумываясь — тело помнит жестокие до полного изнеможения тренировки. Тело не помнит одного: в хашираминых руках не затуплённое учебное оружие, а враг не стоит на месте, застигнутый врасплох.

... Враг, оглушённый, ошарашенный, лежит на земле, опрокинутый чужим спасательным ударом, а клинок Хаширамы рассекает ту самую девчонку с горящими точно угли глазами.

Учиха оказываются все мертвы спустя каких-то жалких двадцать минут — Хаширама долго отмывает кровь с рук теплой водой из фляги, и его трясёт в ознобе так, что вода проливается мимо пальцев на землю.

Едва их патруль пересекает клановые владения, Хаширама, не спрашивая разрешения у отца и не обращая внимания на гневный окрик Хирамы, мчится к лазарету, долго ищет Рецу в больничных покоях, пока не находит в пристроенной каморке возле садов. Рецу вышивает яблони с крупными, налитыми солнцем золотистыми плодами.

— Хаширама! — радостно восклицает Рецу и откладывает шитьё в сторону. — Как хорошо, что ты пришёл! Я как раз хотела отдать тебе...

Хаширама сбрасывает у входа сандалии из жесткой плетеной соломы, в три шага пересекает комнатку до окна и молча прижимается лицом к её коленям, обтянутым бледно-зелёным шёлком кимоно. Рецу замирает, но, что удивительно, не задаёт ни единого вопроса: лишь мягко, почти что с материнской нежностью гладит Хашираму по отросшим ниже плеч волосам, и от этого ком в горле, растущий, давящий, растворяется с

хриплыми сдавленными рыданиями под тёплыми руками в его волосах.

— Сегодня я впервые убил человека, — сдавленно шепчет Хаширама, чувствуя, как жгучие слёзы катятся по щекам, пропитывая домашнее кимоно Рецу влагой. — Девушку... девочку из клана Учиха. Она даже не пробудила свой шаринган, а я... ее...

Рецу молчит, с нежностью гладит его плечу, свободной рукой залечивая свежие порезы. Хаширама всхлипывает, однако трясёт его теперь не от душевного горя — от чужой близости юной женщины, от душного аромата персикового масла, пропитавшего кимоно. Томно кружится голова, а внизу живота в спираль знакомо закручивается жар — Хаширама испуганно отстраняется, утирая заплаканное лицо, прикрывается полами хаори и выбегает из комнатки под удивлённый вскрик.

Хаширама врывается в оmyвальни, на ходу раздевается и опрокидывает на себя кадку с ледяной водой. Легче не становится: контраст между ледяной влагой на коже и жаром нечаянного возбуждения становится слишком велик. Хаширама закусывает губы, жмурится и быстро ласкает себя ладонью, стараясь не думать о то, что делает. Перед глазами прыгают цветные пятна, степенно складываясь в Мадарино лицо, — Хаширама доводит себя до пика и закусывает до крови губы, обессиленно сползая по стене.

...Кажется, он начинает медленно сходить с ума.

Под ночь Хаширама получает ожидаемую взбучку от отца, хлёткую пощёчину и тихо обещает больше не сбежать без разрешения.

Ни в дозор, ни в поисковые, ни в патрульные отряды он больше не заступает, поэтому тренируется до иступления с оружием, учит призывные печати для кунаев и сюрикенов, а по ночам сбегают в сады с медицинскими книгами, рассматривает новые техники и отрабатывает контроль чакры до совершенства, изучая печати Мокутона из украденных секретных свитков.

Так подходит ещё несколько лун. Отец ходит мрачнее тучи — его старый ястреб бесконечно летает с письмами, в которых отец, вероятно, выражает скупое сожаление по поводу сорвавшегося мира. Хашираме почти всё равно. Он с рассвета до самого захода солнца не уходит с тренировочного полигона, лишь изредка прерываясь на краткий отдых и еду, а с наступлением темноты до изнеможения тренирует ирьёниндзюцу, оттачивая базовые техники до совершенства. День за днём проходит в ощущениях жесткой рукояти в мозолистых ладонях, ночь за ночью во вспышках зеленоватой чакры над свитком, в тонких пробивающихся стеблях из земли, время перед рассветом в постели рядом с Тобирамой.

Хаширама только привыкает к размеренной рутине, как однажды Тобирама, запыхавшийся, не прерывает его посреди тренировки. Ягевара недовольно опускает оружие, но позволяет Хашираме отлучиться к отцу.

Отец размашисто расхаживает из угла в угол, но, замечая присутствие Хаширамы, жестом указывает на письмо, лежащее на столе. Хаширама почтительно кланяется, переступая через порог комнаты, читает строки, введенные красивыми, крупными кандзи.

— Это от Учихи Таджимы? Мадариного отца? — севшим голосом спрашивает он. — Что всё это значит, отец?

Тот с раздражением отворачивается, прикуривает старую треснутую трубку.

— Что не ясно тебе, Хаширама? По-моему, этот собачий сын написал все предельно понятно.

— Почему они отказываются возвращать наших медиков, отец?! Почему их оставляют в заложниках?!

Отец размашисто бьёт кулаком по столу — высокий чайный стакан соскальзывает с полированной поверхности и разбивается о дощатый пол. Хаширама чувствует смятение.

— Очевидно потому, что ты убил их будущую Хранительницу — ту, что должна была впитать в себя знания наших ирьёнинов. Не то, что бы меня это слишком удручало, в конце концов, если бы ты не атаковал в ответ, пострадал бы сам. Однако теперь Учиха Таджима — справедливо или нет — жаждет кровавой расправы у Черты. Хаширама, предупреди Тобираму о том, что мы выступаем ближе к закату. Общий сбор у ворот.

«Общий сбор у ворот».

Всё то время, пока они бегут к Черте, Хашираму лихорадит невиданным раньше волнением. Он украдкой оглядывается на отца, на сосредоточенного, нахмуренного брата, на старших — Хираму и Току.

Учиха Таджима стоял перед своими шиноби, скрестив мощные руки на груди, — в его глазах опасно алел Шаринган. А за спиной Таджимы...

— Мадара!! — вскрикивает Хаширама отчаянно. Мадара поднимает на него тяжёлый алый взгляд.

Мадара. Хаширама смотрит на него с жадностью, подмечая каждую деталь, — округлившееся, несколько повзрослевшее лицо, здоровый цвет лица, блестящие волосы цвета воронова крыла, опустившиеся ниже плеч, тонкую линию губ, твёрдо очертившийся мужественный подбородок.

— Где наши ирьёнины? — сухо спрашивает отец, проходит вперёд, вынимая из ножен оружие. — Считаю до трёх: если ирьёнины не будут рядом со мной, пеняйте на себя,

красноглазые выродки, и пощады не ждите.

— Назад, Мадара, Изуна, — командует Таджима и печатью призывает гигантский веер Учива.

— Раз!.. — глаза отца опасно темнеют, и Хаширама невольно подбирается от его голоса — внутри будто обрывается какая-то струна.

— Три!! — выплёвывает Таджима и взмахом веера призывает гигантских тварей, плюющихся огнём.

Поле боя превращается кипящее озеро лавы, в горле першит, чадит, и Хаширама, едва не выпуская оружие из рук, зажимает рот. Кто-то из своих создаёт земляные коробки, Хирама печатями формирует огромного водяного дракона, и всё тонет в паре. Хаширама не теряет бдительности, отбивает несколько скользящих уторов и чудом уворачивается от рубящего удара, нос к носу сталкиваясь с Мадарой.

— Мадара, давай поговорим! — огненный шар проходит в ладони от его лица, сверху нескончаемо сыпятся кунаи. — Мадара, прошу тебя!

— Не о чем нам с тобой говорить! — шипит тот сквозь стиснутые зубы. — Ты — мой враг, Хаширама! Не смей уходить, сражайся со мной!

— Не хочу! Не собираюсь!

— Тогда я тебя заставлю, слышишь меня, Хаширама?!

Вот оно значит как, да?

Под ногами раскалывается земля: Сенджу интуитивно пригибается и, отбрасывая собственную катану, мощным коротким рывком сгребает Мадару поперёк туловища и несколькими прыжками пронесется над головами сражающихся, увлекая друга за собой, в высокий непролазный кустарник.

Мадара отчаянно сопротивляется — Хаширама теряет равновесие, соскальзывая с толстой ветви, — и увлекает того за собой в высокую траву, расстёгивает ему нагрудник, буквально вырывая крепления из петель.

— Какого демона ты творишь?! Отпусти меня, слышишь?!

— Может, ты просто меня выслушаешь, а?! — яростно кричит Хаширама, придавливая Мадару своим телом к земле. Разбросанные мадарины доспехи поблёскивают на солнце, и он отпихивает их ногой, чтобы Мадара не успел вытянуть спрятанное в печатях оружие.

— Тогда, может, ты просто слезешь с меня, а?! — Мадара предпринимает отчаянную попытку выскользнуть из-под Хаширамы, но тот, тяжелее на добрый десяток

килограммов, в не менее тяжелых доспехах, не даёт даже пошевелиться, призывая древесные стебли, оплётшие Мадаре запястья и аритмично вздымавшуюся грудь.

— Не хочу, чтобы ты сбежал, как в прошлые разы, — заявляет Хаширама, пытаюсь устроиться поудобнее.

Колючие ветви кустарника больно царапают его оголённую шею, и Хаширама наклоняется ниже, чувствуя, как Мадара напряжённо дышит ему в ухо, губами практически касаясь чувствительной мочки.

Хаширама тихо смеётся. Мадара лежит под ним, растрёпанный, взмокший и бесконечно злой, с задравшейся рубахой, оголившей бока до нижних рёбер.

— Хэй, Мадара, — подмигивает ему Хаширама лукаво, чувствуя, как просыпается игривое настроение. — Ты всё так же боишься щекотки?

— Что? Хаширама, не смей! Хаширама!! Тебе смешно, чёртов подлец?!

Хаширама хохочет уже в голос, не боясь, что его услышат не те уши, и обхватывает мадарины обнажённые бока своими мозолистыми ладонями.

— Хаширама, чёрт тебя дери, отпусти, я же по-хорошему прошу, собачий ты сын, — хрипит Мадара сдавленно, извивается на земле, крепко удерживаемый спрутами Мокутона.

Хаширама на ощупь тянется к металлическим креплениям, с лязганьем сбрасывает собственный доспех и наваливается на Мадару всем своим весом, ладонями ведёт по крепкому бледному животу, чувствуя, как Мадара, изо всех сил пытающийся выпутаться из стеблей, раздвигает бёдра, сдавливая острыми коленями хаширамины бока.

На шее у Мадары под кончиками пальцев бьётся пульс, и Хаширама прижимается к нему губами. Неожиданно Мадара замирает, пытается свести колени, прогибается в пояснице и мучительно стонет сквозь сжатые зубы, запрокидывая голову, словно от сильной ноющей боли.

— Что такое? — тревожится Хаширама, приподнимается на локтях, вглядываясь в его искажённое лицо.

И чувствует — да так, что лицо обдаёт жаром смущения.

... Животом чувствует твёрдую возбуждённую плоть и, переложив ладонь Мадаре меж раздвинутых ног, ощущает тягучую пульсацию под грубой тканью штанов.

— Прекрати... ха... — Мадара упирается коленом в хаширамино плечо, всячески отталкивает, изворачивается. — Не трогай... там... ха-а-а... — и мучительно стонет, когда Хаширама, не думая, что творит, высвобождает его напряжённый член из штанов и медленно касается пальцами раскрытой потемневшей головки, собирая выступившую смазку. — Что ты творишь, сумасшедший?! А-а-ах...

— Всё хорошо, — убеждённо шепчет Хаширама, на пробу движет ладонью раз, другой, срываясь на быстрый, уверенный темп и чувствуя, как содрогается Мадара и со стонами рвет под собой пожухлую траву. — Всё хорошо.

Мадара его не слышит — изгибается волной, подбрасывая бёдра на каждое движение хашираминой руки, забрасывает ногу ему на поясницу, а затем, изворачиваясь, сам залезает к Хашираме в штаны.

В мадариных глазах ослепительно-ярко вспыхивает алый шаринган, от одинокой запятой отделяется ещё одна, и чёрный зрачок почти заполняет радужку. Дыхание смешивается — их обоих изгибает в предоргазменной судороге, Мадара хрипло кричит, запрокинув голову, и сам сжимает крепче ладонь. Хаширама изливается Мадаре на перепачканный собственным семенем живот, стонет вперемешку с частыми выдохами и, не удержавшись на дрожащих руках, падает на Мадару сверху, уткнувшись ему в сгиб шеи и плеча.

Они делят одно рваное, шумное дыхание на двоих, коротко целуются-сталкиваются губами несколько раз, пока Хаширама не находит в себе силы подняться на дрожащих локтях. Солнце уже садится, заливая золотом листья папоротника. Щёки Мадары контрастно пылают жгучим румянцем, вздымается высоко худая грудь под испачканной рубахой. Хаширама садится на пятки и прячет лицо в ладонях, раскачивается, понимая, наконец, чем обернулась дурацкая детская шалость. Хаширама тонет в остром чувстве вины, вязнет в стыде, корит себя, слыша, как Мадара всхлипывает едва слышно, трясётся на голой остывающей земле.

— Эй, ты... ты же не... Я обидел тебя своей выходкой?! — Хашираме по-настоящему тревожно: он склоняется над Мадарой, трясёт его за тощее плечо и ненавидит себя от всей души, пока не понимает — Мадара смеётся, утирая выступившие в уголках глаз слёзы, шепчет «Дурак, дурак» едва слышно.

А затем Мадара вдруг подбирается, как змея перед броском, и опрокидывает Хашираму навзничь и накрывает своим телом. Поцелуй — мягкий, упоительно долгий, полный нежности, — первый настоящий поцелуй после той памятной сцены на берегу реки тонет уже в сумерках, едва последние солнечные лучи касаются примятой травы.

... А затем грязная рука с обломанными ногтями внезапно зажимает ему рот. Хаширама пытается возмутиться, но Мадара прижимает палец к своим губам и складывает печать концентрации, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Пора валить, Хаширама. Пограничная стычка окончилась, скоро обе стороны будут вести счёт шиноби, — говорит он деловито, тянется, гибкий как кошка, за своими разбросанными доспехами.

Они одеваются спиной друг к другу, торопливо, быстро. Хаширамынны руки дрожат, и он дважды путает крепления доспеха, прежде чем застегнуть его правильно. Мысли Сенджу сумбурны, его переполняют чувства, складывается в слова, срывающиеся с губ. И в тот момент, когда Мадара собирается уйти не прощаясь, Хаширама оборачивается

ему в след.

— Я... кажется, я люблю тебя, Мадара, — выдыхает он — сердце пропускает удар, затем еще один.

Мадара замирает, каменеет, сбиваясь с шага, вздыхает едва слышно. Оборачивается, смотрит мгновение своими огромными чёрными глазищами в самую душу и отступает в тени, растворяясь в душных сумерках.

— Я люблю тебя, Мадара, — повторяет Хаширама едва слышно, перекатывая упругие, звучные слова.

На языке становится сладко, низ живота сжимается в тугую спираль, а на душе точно расцветает сакура — прекраснейшая из всех.

Примечание к части

Юхууу, я наконец-то дописала эту главу!! Лучше поздно, чем... простите, дорогие читатели!

Тем, кто дождался, преподношу подарок - главу на 4 тысячи с лишним слов)

Как обычно, визуализация: http://vk.com/sky_fiction?w=wall-67300589_92

Примечание к части Мне правда стыдно за столь долгий перерыв в 14 месяцев и неделю.
Как обычно, визуализация: https://vk.com/sky_fiction?w=wall-67300589_99

Юность (часть 2)

*"Никто не знает, что ты чувствуешь
Нет никого, кого ты хотел бы видеть
Этот день был тёмным и полным боли
Ты пишешь «помогите!»
Собственной кровью
Потому что надежда – это всё, что у тебя осталось*

*Ты открываешь глаза,
Но ничего не меняется
Я не хочу причинять тебе беспокойство
Не хочу оставаться слишком надолго*

*Я пришёл только чтобы сказать тебе:
Обернись вокруг,
Я здесь..."*

By Your Side (by Tokio Hotel)

— Погибших четверо, трое медиков и один из учеников Ягевары, раненых — двенадцать, пропавших — пятеро, включая Вашего сына, Глава. Среди раненых семеро до следующего утра не доживут.

Лицо Сенджу Буцумы непроницаемо — но даже с расстояния сорока шагов Хаширама видит, как напряжены, скованы его прямые плечи и как окровавленные пальцы нервно потирают виски.

— Ищите пропавших, — отрывисто приказывает он. — И... обеспечьте умирающим забвение и покой.

— Хорошо, Глава, сенсоры этим займутся. — Хирама, ведущий подсчёт потерь, выглядит плохо: бледный, перемазанный грязью и кровью, пережимающий рваную рану на левом плече. — Только вот... Глава... что, если Хашираму, ну, его уже... Он же сражался с этим диким волчонком, со старшим сыном Учиха Таджимы, который уже пробудил Шаринган, и...

— Даже думать об этом не смей! — на Хираму обрушивается мощная пощёчина наотмашь — Хаширама давит вскрик. Хирама валится на колени, кашляет, жадно глотая воздух разбитым ртом. — Ещё раз заикнёшься об этом, будешь всю свою оставшуюся жизнь чистить котлы на кухне, понял меня?!

Ответа Хирамы Хаширама не слышит: спешит выпутаться из колючих кустов, цепляясь носком сандалии за высокие корни дерева, и падает прямо в руки Токе, обыскивающей высокие непролазные заросли.

— Хаширама! — изумлённо вскрикивает она. — О, Боги, тебя что, волки потрепали?

Волки. Хаширама вспоминает Мадару, его растрёпанные жёсткие волосы, фыркает ей в плечо и качает головой.

— Сама-то выглядишь не лучше. — Подначивает он её, но Тока не обижается. Воин на поле боя — бесполое существо. Однако когда она вернётся домой, смочет коготь, пыль и кровь, заплетёт в косы густые длинные волосы, сейчас небрежно стянутые шнурками, и скроет израненные плечи, грудь и обожжённые кисти рук шёлком праздничного кимоно, то станет ещё прекраснее, ещё ослепительнее тех красавиц, что целыми днями холёными белыми пальцами перебирают струны сямисена.

Хаширама поднимается на ноги. Острая боль пронзает лодыжку, и он, вскрикнув, снова падает на Току.

— Что случилось? — встревожено спрашивает Тока, придерживая Хашираму под руку, пока он, морщась, ощупывает стопу. — Идти сможешь?

— Смогу, кажется. — Наступать на повреждённую ногу невероятно больно, но Хаширама закусывает губы и, перекидывая руку через токино плечо, хромотает в сторону отца.

Весь этот короткий, но медленный путь Хаширама думает о Мадаре. Как он? Добрался до главы Учиха? Ранен? Наказан за самовольный уход с поля боя? А может быть, — Хашираму бросает в стыдливый жар, — кто-нибудь заметил их самовольную отлучку, проследил и донёс Учиха Таджиге, чем именно они занимались, пока проливалась чужая кровь?.. Только не это, Боги, только не это!

От ужаса у Хаширамы подкашиваются ноги, и он без сил валится на землю, чувствуя, как подступает дурнота.

— Эй, ты точно в порядке? — Тока опускается рядом на влажную от крови землю, толкает Хашираму в грудь и прохладной ладонью щупает ему лоб. — О Боги, да ты весь горишь! Не двигайся, я сейчас позову медика.

Хаширама её уже не чувствует — старательно таращится на небо, застилаемое серыми, грозowymi, уже налитыми дождём тучами, а затем обессилено прикрывает глаза. Сквозь уплывающее сознание он слышит переплетённые, сливающиеся в гул крики знакомых голосов — и, как ему кажется, даже вроде бы разбирает какие-то отдельные фразы. Его тело долго качает словно на волнах, опускается на мягкое облако; поток прохладного воздуха скользит по обнажённой груди — и жар наконец отступает. Чья-то рука бережно держит его под затылок, губ касается фляга, Хаширама из последних сил делает два глотка, а затем проваливается в спасительную темноту.

Хаширама выныривает из сна словно с глубины — и морщится от яркого солнечного света, бьющего прямо в глаза.

Он лежит в лазарете — Хаширама понимает это по резным ширмам, драпированным плотной струящейся тканью и по резкому, горькому запаху свежих истолчённых трав. В окне сквозь тканевую занавесь пронзительно голубеет небо; Сенджу пытается подняться, но что-то тяжёлое плотно придавливает его к постели, лишая возможности даже пошевелиться.

Тобирама крепко спит на хаширамином животе, свернувшись преданным псом у его ног. Хаширама протягивает руку, проводит большим пальцем вдоль морщинки меж белёсых бровей и с нежностью оглаживает брата по щеке, на которой уже пробиваются тонкие светлые волоски. Тобирама недовольно морщится, кусает разбитые губы, запёкшиеся тонкой коркой в уголках рта, но так и не просыпается.

«Как же быстро мы вырастем», — с горечью думает Хаширама и медленно, чтобы не разбудить Тобираму, выскальзывает из одеяла. Он едва ли успевает перенести Тобираму на постель, как седзи вдруг распаиваются, и в палату врывается Ягевара — с обезумевшим, перекошенным лицом и девчонкой немного старше себя на его спине.

— Где ирѐнины?! Где Рецу, черт побери?! — реѐт он, и Хаширама торопливо прижимает палец к губам и шикает: не хватало ещё, чтобы Ягевара разбудил Тобираму. Младший брат шевелится во сне, шумно вздыхает, но так и не просыпается.

— Чего тебе, Ягевара? — шѐпотом спрашивает Хаширама. — Рецу здесь нет, это моя больничная комната.

Ягевара грязно ругается, осторожно опускает девчонку прямо в расколотом, изрубленном доспехе на второй футон и стремительным шагом уходит прочь.

Хаширама торопливо склоняется над незнакомкой — проверяет наличие пульса и дыхания, расстѐгивает ей свободной рукой крепления доспеха, быстро осматривает на наличие тяжѐлых ранений. Сосредотачивается, окутывая ладони лечебной сияющей чакрой, и стимулирует через грудную клетку небыющее сердце, скрупулѐзно отсчитывая чѐткие, почти деревянные движения. Набирает воздуха в лёгкие и припадает к губам девчонки. Делает два долгих выдоха и снова надавливает ей меж грудей прямыми руками.

...Хаширама впервые спасает чужую жизнь — превращается в сгусток оголѐнных нервов, — а потому не слышит, как возвращается Ягевара.

— Рецу, сюда! Момока уже... — и осекается, растерянно глядя на Хашираму, отдающего ей жгуций лёгкие кислород. — Хаширама, мать твою! Ты что творишь?!

Хашираме нестерпимо хочется ответить, но он завершает очередной выдох и готовится

снова набрать воздуха, как вдруг девчонка бьётся под его руками, судорожно вдыхает и откашливает ему кровь в лицо.

— Хаширама, дальше я сама! Выйдите все из палаты! — Рецу торопливо переворачивает Момоку на бок.

Хаширама подхватывает под мышки только что проснувшегося, сонно трущего глаза Тобираму, бесцеремонно сгребает растерянного Ягевару и вместе с ними покидает больничную комнату.

Рецу выходит к ним под самую ночь на закате — бледная, невероятно уставшая, с тёмными кругами под глазами.

Ягевара, чутко забывшийся мимолётным сном, вздрагивает и торопливо поднимается на ноги, сжимая в руках свой вакидзаши.

— Ну что, где она? Как она?! Что с ней?! Не молчи Рецу, всеми Богами тебя заклинаю! — ревёт он, хватая Рецу за плечи, и практически трясёт её из стороны в сторону.

— Успокойся, Ягевара, — строго осекает его Рецу. — Момока находится в тяжёлом состоянии, но благодаря Хашираме её жизнь вне опасности. Можешь сказать ему спасибо... — и осекается. — Хаширама, что с тобой случилось?

— Ничего страшного, Рецу, — мрачно отвечает Хаширама и потирает налившийся густым багрянцем синяк на скуле. — Просто немного недопоняли друг друга с Ягеварой.

Рецу только вздыхает — «Глупые мальчишки!», мол, — и просит Хашираму вернуться в палату.

— Он никуда не пойдёт, — безапелляционно возражает Ягевара. — Там же Момока.

— А ещё там палата Хаширамы, а Момоку трогать сейчас нежелательно, — парирует Рецу и тянет Ягевару за рукав. — Не будь самовлюблённым глупцом, Ягевара. Хаширама несколько часов назад спас ей жизнь. И может спасти ещё раз.

— Ладно, — нехотя выдавливая он из себя. — Но если что-то случится, Хаширама... — его тёмные глаза лихорадочно блестят. — Я ведь из тебя всю душу вытрясу, Хаширама.

— Ягевара, прекрати, ну пожалуйста! — досадливо восклицает Рецу и тянет его за рукав. — Пошли уже! Пошли спать!

И Ягевара наконец ей уступает — они скрываются в темноте; затихают гулкие шаги. Хаширама долго смотрит Рецу вслед и затем возвращается в палату.

... А Тобирама, уже всеми позабытый, по-прежнему спит в проёме возле стены.

Почти весь остаток ночи Хаширама не смыкает глаз — не отходит от Момоки ни на минуту, то проверяя, нет ли у неё жара, то прислушиваясь к её дыханию, то меняя ей перевязь на обожжённых руках.

Он засыпает лишь под утро, не найдя в себе сил обратно переползти на свою постель и привалившись к её боку.

Тобирама, наверняка получивший нагоняй от отца за то, что отсутствовал ночью в своей постели, уже вернувшийся с дозора, нещадно расталкивает старшего брата и, не давая ему времени опомниться, крепко ухватывает под локти и силой уводит прочь из лазарета.

— Что такое? — у Хаширамы совершенно нет сил сопротивляться ни брату, ни собственной усталости: он еле переставляет ноги и с трудом борется с дремотой. — Куда ты ведёшь меня, Тобирама?

— Подальше от этой Момоки, — огрызается младший брат. — Ты совсем спятил, братец?! Если Ягевара увидит тебя с ней, он сожрёт тебя с потрохами!

— Да что здесь такого... я же начинающий ирьёнин, — вяло отвечает Хаширама. Очередной мучительный зевок прерывает его недоумение, и он едва не летит с высоких ступеней вниз. — Далеко ты собрался идти? Холодно, между прочим!

— Нет, недалеко... и просто прими мои слова к сведению, ладно? Пока ни о чём больше не спрашивай.

Они торопливо спускаются в сад, тонущий в дымке предрассветного тумана, и Хаширама, босыми ногами ступивший в высокую — до самых щиколоток! — мокрую от росы траву, впервые ощущает близкое дыхание зимы. Со всеми патрулированиями, клановыми стычками на границе, ранеными в лазарете незаметно сменилось друг за другом два сезона — начиная с весенней битвы за перелеском, в которой погибло множество детей, потом сочной, спелой земляникой и Мадарой, тощим, взъерошенным, со смехом поедающим спелые алые ягоды, и заканчивая кровавым боем четверть луны назад.

Хашираму пронзает внезапное озарение — со всеми переживаниями и тревогами он умудрился позабыть и пропустить собственный день рождения, которого так долго ждал! Хаширама оглядывается на младшего брата — тот понимающе улыбается самыми уголками губ и прячет какой-то свёрток за спиной.

— Что там у тебя? Это мне? — у Хаширамы загораются глаза, и он требовательно тянет руку.

Тобирама негромко смеётся — на щеках у него появляются очаровательные ямочки.

— Не торопись, братец, не всё сразу.

— Но там мой подарок!

— О Боги, иногда мне кажется, что это не ты старший брат, а я. Идём-идём, — Тобирама манит Хашираму за собой вглубь сада, и тот, крайне заинтригованный, продвигается за ним.

Они останавливаются только у высокого забора на склоне возле клановой границы. Тобирама по привычке — истинно зимнее дитя, не боящееся ни ледяных пронизывающих ветров, ни стужённого утра, умытого холодной росой, — сбрасывает сандалии и с ногами забирается на мокрую скамейку под старой раскидистой яблоней. Младший брат, отмечает Хаширама с удивлением, заметно нервничает и вертит в тонких пальцах нечто затянутое в плотную холщовую ткань и перевязанное витой бечевой.

— Тобирама, что-то случилось? — неуверенно, с волнением окликает его Хаширама и сам присаживается на скамью, поджимая под себя босые онемевшие ступни.

— Нет, нет, ничего... — рассеянно отвечает Тобирама и откладывает свёрток в сторону.
— погоди, братец, не торопи и дай мне собраться с мыслями.

Он поднимается на ноги, все ещё балансируя на скользкой скамейке, и резко дважды взмахивает кунаем. Хашираме в ладони падает яблоко — зеленое, некрупное, очень твёрдое и едва-едва пахнущее приближающимися заморозками. Тобирама впивается в яблочный бок, грызёт белоснежную сочную мякоть, пока Хаширама осматривается вокруг.

Весь урожай, кроме зимних яблок, покачивающихся в голых ветвях, уже собрали, — листва деревьев давно облетела. Хаширама совершенно нехотая вспоминает, как они с Мадарой прятались на самой скамейке и поедали спелые сочные груши. Интересно, как там Мадара? Кончился ли у них голод? Выздоровели ли их оставшиеся в живых лекари? Поймали ли чьи-нибудь пытливые красные глаза их непристойность в тех кустах?.. Хаширама, сморщившись, отбрасывает надкусанное кислотоватое яблоко в жухлую траву.

— Тобирама, если ты позвал меня помолчать, давай помолчим, но, ради Бога, не на холодном ветру, а на веранде!

Тобирама тяжело вздыхает, обнимая собственные мальчишечьи колени.

— Возьми, братец. — И пододвигает к Хашираме свёрток.

Хаширама торопливо развязывает бечеву, разматывает отсыревшую ткань и не может сдержать возгласа удивления.

Перед ним лежал кинжал — старой работы, с искусной резьбой на ножнах, кое-где уже безвозвратно потускневший от времени, но блестящий, отполированной чьей-то заботливой рукой. Хаширама обнажает лезвие — первые тусклые солнечные лучи сверкают на остро заточенной стали.

— Что это? Откуда? — от внезапного благоговения у Хаширамы садится голос, поэтому спрашивает он полушёпотом, любясь серебристыми бликами.

— Дедушкин любимый кинжал — я нашёл его у отца в закромах, починил и отполировал. Теперь он твой, Хаширама.

Хаширама пальцем касается лезвия и ойкает — на подушечке выступает кровь; Хаширама её слизывает и собирается убрать кинжал за пояс, как вдруг Тобирама останавливает его за руку.

— Братец, подожди, — сбивчиво начинает он и отводит взгляд — на белоснежной коже мучительно проступает красный румянец. — Тут такое дело... только не перебивай меня и не спрашивай ни о чём, пожалуйста. Я много думал над этим... мне больше не кому довериться, понимаешь, братец? Ты — единственный, кому я могу верить как себе. Отец отпустил меня в разведку к Учиха, думаю, к тому времени всё уже заживёт и...

— Тобирама, подожди! Успокойся. — На лице Хаширамы проступает тревога. — Я ничего не понимаю. Что должно зажить? Ты болен? Ранен? Что за разведка у Учиха — шпионаж?

Тобирама тяжело вздыхает и прячет лицо в ладонях.

— Я... я хочу, чтобы ты помог мне сделать ритуал Мокса.

Хаширама роняет кинжал из ослабевших пальцев — тот со звоном падает в траву.

— Ты... — на языке вертится множество оскорбительных слов, в том числе и нецензурных, но Хаширама себя сдерживает. Вырывается из груди лишь беспомощное: — Мокса — зачем? Эти шрамы останутся на всю жизнь!

— Хаширама! Я же просил не спрашивать. — Тобирама впервые называет его просто по имени и, смягчившись, добавляет: — Итама и Каварама были очень дороги мне. Я являлся их старшим братом. А теперь уже не являюсь. У меня больше не осталось младших, о которых я мог бы заботиться.

— А как же Ёто? Ты можешь заботиться о нём! — почти кричит Хаширама, выцепив из памяти образ, — смуглый, как сам Хаширама, такой же чумазый, тёмноволосый образ любознательного мальчишки с худыми вечно разбитыми коленками и локтями на пару-тройку лет младше Тобирамы, к которому брат питал какие-то особые чувства, выделяя его из всех остальных малышей.

Тобирама внезапно как-то зло усмехается и исподлобья смотрит на Хашираму сквозь светлую отросшую чёлку.

— А Ёто больше нет, братец. Ёто не прошёл посвящение, и его убили в поединке... вернее казать, добили. Так что, поможешь мне?

Хаширама протягивает руку и берёт младшего брата за подбородок. Осторожно проводит большим пальцем вдоль левой скулы, затем вдоль правой... надавливает под нижнюю губу.

— Ты хочешь сделать Мокса этим кинжалом?

— Да. — Кинжал, уже не вызывающий столь ярких эмоций, вновь появляется перед Хаширамой.

— Я никогда этого не делал, знаешь ли. Я могу ранить тебя сильнее, чем этого требует ритуал.

— Ничего не бойся и режь. — Уверенно говорит Тобирама и вкладывает ему в левую ладонь огниво. — Я тебе доверяю.

Весь мир сжимается до серых бликов на острой стали, до алой-алой крови, текущей по тобираминому подбородку, до отблесков рассвета, пробивающегося через пелену тумана и облаков.

Весь мир сжимается до всполохов огня, когда Хаширама отбрасывает кинжал в сторону, до запаха палёной кожи и единственного стога из закушенного рта.

Весь мир сжимается до алых синяков, оставшихся на предплечье Хаширамы, до слёз, собственных, горьких, солёных слёз, капающих брату на израненное лицо.

...Весь мир словно сгорает и возрождается из пепла, когда Тобирама щурит свои раскосые, мутные от боли глаза от зеленоватой вспышки лечебной чакры, улыбается бескровными потрескавшимися губами и тянет совершенно обессиленного, измотанного Хашираму в свои объятия, шепча: «Спасибо, братец» ему в плечо.

Немного о ритуале Мокса.

Три "отметины" на лице Тобирамы, оказывается, появились в результате некоего древнего японского ритуала, под названием "Мокса". Это татуировки, которые делались методом прижигания травмированной кожи. В древней Японии, в период Эдо, такую процедуру делали детям, в знак того, что они завершили свое детство намного раньше, чем обычные люди. До убийства младших братьев у Тобирамы этих "полосок" не наблюдалось, после их смерти они появились. Это значит, что Итама и Каварама были ему очень дороги, и он понес душевную травму. Эти татуировки и по сей день делают в большинстве японских деревень в знак отваги, храбрости и мужества. А в современном мире, это делают при помощи специального аппарата, который так и назвали Мокса (с англ.)